

Воспроизведение отсталости

10 сентября в интервью “Ведомостям” первый заместитель председателя правительства, отвечающий за экономическую сферу, Денис Мантуров обратил внимание на то, что только за прошлый год и первое полугодие нынешнего численность работников ВПК выросла более чем на 600 тыс. человек. При этом, поскольку *«рынок труда всё ещё остаётся дефицитным»*, стоит задача *«повышения производительности труда, в основном за счёт технического перевооружения предприятий и увеличения автоматизации процессов»*. По словам Мантурова, в 2023 г. производительность труда в ВПК уже выросла на 18 %. В то же самое время, *«восполнение резервов техники»*, потерянной в войне на Украине, займёт не менее 3–4 лет.

К тому же Россию *«преследуют санкции»*. С Объединённой авиастроительной корпорацией перестал работать *«целый пул зарубежных поставщиков»*, что потребовало замещения 36 систем флагманского проекта среднемагистрального пассажирского самолёта МС-21. Впрочем, однозначно, что дело тут не только в санкциях, поскольку серийное производство самолёта предполагалось начать ещё в 2016 г.

Что делать?

Исторической парадигмой *догоняющего развития* российского капитализма было использование сырьевых ресурсов – леса, пеньки, зерна, а затем нефти и газа – в качестве источника пополнения казны. Полученные за счёт этого средства не только обменивались на станки и технологии, но и позволяли поддерживать социальную стабильность и геополитические амбиции, финансируя военные расходы и внешнеполитические проекты. Разрыв связей с Европой вынудил российский империализм резко ускорить разворот на Восток, фактически толкнув Москву в удушающие объятия Пекина. Кремль делает хорошую мину при плохой игре, выдавая этот *стратегический кошмар* российской буржуазии за продуманный выбор, *идеологически* используя такие объективные факты как относительный упадок Запада и восхождение Азии.

У России, заявляет Мантуров, *«есть историческая возможность полностью поменять облик»* промышленности. Причём Кремль не желает *«искусственно закрывать рынок от импорта»*, а намерен *«создавать условия для того, чтобы инвестиции в локализацию производства в России были более выгодными по сравнению с прямым ввозом техники»*. Сделать это без изменений во внешней политике будет крайне непросто.

Углеродная зависимость

В докладе “Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии экономического развития России до 2020 года”, опубликованном в 2005 г. Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), нынешний министр обороны Андрей Белоусов, указывал на то, что в 2001–2002 гг. в России сложился экспортно-сырьевой тип экономического роста, около 60 % прироста ВВП обеспечивало увеличение физического объёма и рост мировых цен на углеводороды. Из 7 % роста ВВП в 2003–2004 гг. примерно 3 процентных пункта (п. п.) дало физическое увеличение объёма экспорта нефти и газа, 1,5 п. п. принёс рост мировых цен и лишь 2,5 п. п. были связаны с внутренними факторами. Год спустя они давали уже менее 2 п. п. экономического роста. В связи с этим Белоусов делал вывод о том, что уход от экспортно-сырьевого типа экономики является императивом устойчивого роста. В докладе выдвигались четыре долгосрочных сценария развития: сверхиндустриальная модернизация с формированием рублёвой зоны (Россия, Украина, Казахстан, Белоруссия и др. ближнее зарубежье), бросок в глобализацию, экономический изоляционизм, энергетический аутизм. Под последним Белоусов понимал исключительную заикленность на одном лишь секторе углеводородов.

“Философский пароход”

Всё это отсылает к дебатам, последовавшим за распадом СССР.

В ноябре 1991 г. была создана аналитическая группа Внешнеполитической ассоциации, более известная как “Группа Бессмертных”, по имени её создателя, министра иностранных

дел СССР с 15 января по 28 августа 1991 г. Этот клуб пытался осмыслить положение и задачи российского империализма после распада СССР. Тематика дискуссий была обширной: “Россия: накануне изоляции?”, “«Собирание земель» и реинтеграция постсоветского пространства”, “Расширение НАТО на Восток” и др. Участниками группы были экономисты Андрей Белоусов и Андрей Клепач, ультраконсервативный политик Сергей Кургинян, политтехнолог Кремля Глеб Павловский, идеолог “Русского мира” Пётр Щедровицкий, либеральный философ Алексей Кара-Мурза, главный спичрайтер всех трёх президентов России Джахан Поллыева, философ и геополитик Вадим Цымбурский и др. Координатором группы был философ Сергей Чернышев. Именно он в 1992 г. начал подготовку издания трёхтомной хрестоматии “Иное. Путеводитель”, определив её как *«философский паролод, который возвращается на родину»*.

Образ нуждается в пояснении: в 1922 г. из Петрограда в Штеттин (Германия) отправились пароходы, на которых Советскую Россию покидали высланные из неё оппозиционные интеллигенты. Лев Троцкий в интервью американской журналистке Анне Луизе Стронг назвал эту акцию *«гуманизмом по-большевистски»: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно»*.¹

Общественное бытие определяет сознание людей, их волю, их желания и стремления – такова истина исторического материализма. В 1922 году сознание, воля и устремления идеологов буржуазии определялись тем, что они чувствовали себя “лишними людьми” в стране диктатуры пролетариата. Однако Октябрьская революция была подавлена сталинизмом, выражением *государственного капитализма*. Семьдесят лет спустя экономисты-“ветераны” того цикла ощутили себя демиургами перехода от государственного капитализма к циклу *империалистического либеризма*.

Самосознание технологической отсталости

На обложке вышедшего в 1995 г. из печати трёхтомника “Иное. Путеводитель”, красовался подзаголовок: “Хрестоматия нового российского самосознания”. Издание открывала статья Андрея Белоусова “Структурный кризис советской индустриальной системы”. В ней будущий министр обороны писал, что в результате радикального реформирования российской экономики после распада хозяйственных связей СССР, начавшегося *«с шокового скачка оптовых и потребительских цен и ужесточения бюджетной и монетарной политики»*, не только произошло *«усиление кризисных тенденций»*, но и качественно изменился их механизм: *«Резкое дефляционное сжатие спроса обусловило переход от ресурсно-ограниченной к спросо-ограниченной модели воспроизводства»*. В результате экономика попала в *стагфляционную ловушку: «Возник глубокий разрыв [...] между сжатием спроса и фактическим сокращением производства»*. В 1992 г. он оценивался в 12–14 п. п. При этом, *«кризисные явления последних лет [...] скрыли и отодвинули на второй план глубинные тектонические процессы, имеющие начало в структурно-технологической неравновесности советской экономической системы и в исчерпании потенциала её роста»*.

Причины заключались в том, что *«начиная с 60-х годов советская экономика испытывала постоянное давление военных расходов, которое [...] достигло особо крупных масштабов в 1981–1985 гг. [...] К концу 80-х годов доля расходов на оборону в ВВП [...] составила около 15 %»*. Это вело к сужению *«экономического пространства для развития гражданского машиностроения»*: *«В середине 80-х годов в относительно молодом техническом парке лёгкой и пищевой промышленности, где доля оборудования старше 20 лет составила соответственно 11 и 4 %, удельный вес оборудования, не отвечающего современному уровню и подлежащего замене, достиг 43 и 39 %. При этом 40–60 % потребности этих отраслей в машинах и оборудовании покрывалось за счёт импорта»*. Таким образом, *«сложился порочный круг расширенного воспроизведения технологической отсталости»*. Период 80-х годов Белоусов характеризует как *«десятилетие упущенных возможностей»*.

В порочном кругу

В качестве выхода из ситуации, которая грозила глобальным отставанием от стран Запада, Белоусов, рассматривавший пять сценариев среднесрочного развития – инерционный, жёсткой финансовой стабилизации, потребительски-ориентированный, производственно-ориентированный, инфляционно-инерционный – отдавал предпочтение предпоследнему,

который должен был к 2000 г. обеспечить выход «на траекторию устойчивого роста [...] с темпом 6 % в год». Но даже в случае реализации этого сценария не удалось бы отыграть предыдущего падения: к 2000 г. ожидалось достигнуть 90 % от предкризисного уровня мощностей и менее 80 % промышленного производства. Реализацию сценария должны были обеспечить «стимулирование экспорта и защита внутреннего рынка за счёт управляемого снижения валютного курса», «расширение государственного финансирования экономики до 10–12 % ВВП», что грозило ростом бюджетного дефицита и неконтролируемой инфляцией. Иными словами, предлагалось прибегнуть к рецептам Фридриха Листа.

Сценарий остался нереализованным. В 1990-е годы происходило падение промышленного производства. Нижняя точка была достигнута в 1998 г., когда объём промышленного производства составил только 45,7 % от уровня 1990 г. Не было ни одной отрасли, в которой не произошло бы резкого спада производства, но в самом тяжёлом положении оказалась лёгкая промышленность – там падение составило 86,7 %. По сути, было утрачено собственное станкостроение, его доля в мировом секторе сократилась до 0,5 %. В Санкт-Петербурге, центре станкостроения, производство металлорежущих станков сократилось с 3128 штук в 1990 г. до 56-и в 2000-м. Серьёзной проблемой стало старение оборудования. Если в 1990 г. доля оборудования со сроком службы до 5 лет составляла почти 30 %, то к 2000 г. – лишь 4,7 %. Одновременно с 25,8 до 56,8 % возросла доля оборудования со сроком эксплуатации 16 лет и выше.

В итоге в 1998 г. Россия производила промышленной продукции по отношению к США 8,2 %, к Германии – 36 %, Франции – 60 %, Великобритании – 73 %. В этих условиях, писал Белоусов в докладе 2005 г., консервация экспортно-сырьевой модели ведёт к потере экономической и политической субъектности, а сценарий «нового изоляционизма» – к накоплению технологического отставания. Там же делался прогноз о сокращении населения на 8–10 % за каждое пятилетие после 2010 г.

В условиях войны на Украине Кремль рапортует о высоких темпах экономического роста. Расширяются ли возможности Москвы в конкуренции держав? На этот вопрос ответит *ключевое десятилетие* империалистического противостояния. При этом, возрастающие трения и напряжение этого десятилетия способны ускорить *время созревания пролетарского авангарда*.

Сентябрь 2024 г.

¹ - Цит. по: Хрестоматия по истории России: 1917–1940. М.: АО «Аспект Пресс», 1994.